

Joanna Mianowska

Вершители красного террора : Ф. Дзержинский и В. Менжинский в очерках эмигранта Романа Гуля

Acta Polono-Ruthenica 16, 113-125

2011

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Joanna Mianowska
Bydgoszcz

Вершители красного террора – Ф. Дзержинский и В. Менжинский в очерках эмигранта Романа Гуля

Роман Гуль – прозаик I волны русской эмиграции, а также киносценарист, историк и мемуарист, который мало известен и изучен в Польше. Даже в польских энциклопедических изданиях, словаре под ред. Ф. Неуважного, путеводителе Т. Климовича и новейшем учебнике под ред. А. Дравича Гуль лишь упоминается¹. Его творческая биография представлена в переведенном на польский язык лексиконе немца В. Казака, в биографическом словаре Глеба Струве и в новейших российских энциклопедиях под ред. А. Николюкина, В. Шелохаева, Б. Чельшева и А. Дегтярева². Возможно сложная и не совсем типичная биография этого эмигранта стала причиной отсутствия интереса к нему. Этот участник сменовеховского движения, взятый в плен Петлюрой, был вывезен немцами в Германию и с 1920 году проживал в Берлине. Анонимный редактор литературного приложения к газете „Накануне”, арестованный немцами в Берлине в 1933 году, а затем освобожденный, переехал в Париж, где издавал и редактировал журнал „Народная правда”, а после эмиграции в США и принятия в 1950 году американского гражданства стал главным редактором „Нового журнала” и нью-йоркского отдела радиостанции „Свобода”. Примкнувший сначала к сменовеховцам, Гуль вернулся в лоно эмиграции, став непримиримым

¹ T. Klimowicz, *Przewodnik po literaturze rosyjskiej i jej okolicach (1917–1995)*, Wrocław 1997, с. 50, 195; *Historia literatury rosyjskiej XX wieku*, pod red. A. Drawicza, Warszawa 1997, с. 175; *Słownik pisarzy rosyjskich*, pod red. F. Nieuważnego, Warszawa 1994, с. 152–153.

² W. Kasack, *Leksykon literatury rosyjskiej XX wieku od początku stulecia do r 1996*, przekład, opracowanie, bibliografia polska i indeks osób V. Kodzis, Wrocław 1996, с. 209–210; Г. Струве, *Русская литература в изгнании. Краткий биографический словарь русского зарубежья*, Париж – Москва 1996, с. 304; *Литературная энциклопедия русского зарубежья 1918–1940*, гл. ред. А. Николюкин, т. I: *Писатели русского зарубежья*, Москва 1997, с. 147–149; т. III: *Книги*, Москва 2002, с. 178–189; *Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX в. Энциклопедический биографический словарь*, под общей ред. В. Шелохаева, Москва 1997, с. 200–202; *Литературное зарубежье России. Энциклопедический справочник*, под общей ред. Е.П. Чельшева и А.Я. Дегтярева, гл. ред. Ю.В. Мухачев, Москва 2006, с. 224–225.

врагом СССР. Революция и гражданская война оказались для него самым большим потрясением, запечатленным во многих произведениях. Вместе с Добровольческой армией и генералом Корниловым он проделал „Ледяной поход” по югу России, запечатлевая пройденное в романе под таким же заглавием³. Военный опыт тех лет стал темой его произведений.

Е. Померанцева, автор многих статей о Р. Гуле, выделяет две главные темы в его воспоминаниях – это Россия и эмиграция⁴. Создатель художественных биографий *Конь рыжий*, *Жизнь на фукса*, *В рассеянии сущие*, *Белые по-черному* попал в круговорот истории XX века, был свидетелем войн, немецкого нацизма, советского террора. Пройденное сформулировало его интерес к ярким историческим личностям. Его роман *Генерал Бо* (в последующих изданиях *Азеф*) раскрывает личности провокатора Азефа и террориста Б. Савинкова⁵. Г. Струве высоко оценивает роман *Азеф*, считая, что написан он „живо и занимательно”⁶. Следующий роман *Скиф* в нью-йоркском издании 1974 года озаглавлен *Бакунин. Историческая хроника*. В центре внимания произведения теоретик анархизма М. Бакунин и царь Николай I. Струве по поводу этого романа Гуля пишет: „на манере Гуля чувствовалось влияние [...] советских исторических романистов [...]. На всем построении и стиле очень чувствуется влияние Юрия Тынянова. [...] Персонажи Гуля явно говорят цитатами из исторических документов и мемуаров”⁷. Однако Струве считает, что оба романа Гуля эмиграция относил к советской литературе. В „Новом журнале” с 1978 года Гуль издает трехтомник *Я унес Россию: Апология эмиграции*⁸. Главное в этой книге – это не только оправдание, но и возвышение эмиграции, сохранившей культурные и духовные ценности России.

Наш же исследовательский интерес представляют изданные Р. Гулем серии портретов Ф. Дзержинского и В. Менжинского, представителей советской власти, вершителей „красного террора”, поляков по происхождению⁹. Дзержинского Гуль считает основоположником большевистского террора. Стоит отметить, что появляются и польские определения

³ Р. Гуль, *Ледяной поход*, Москва 1990.

⁴ См.: Е. Померанцева, „Только для нее, для России... (Роман Гуль)”, „Российский литературоведческий журнал”, гл. ред. А. Николокин, Москва 1993, № 2, с. 112.

⁵ Р. Гуль, *Азеф*, Москва 1994.

⁶ Г. Струве, *Русская литература в изгнании...*, с. 127.

⁷ Ibidem.

⁸ В Москве изданы т. I–III в 2008 году; т. 1: *Россия в Германии*, т. 2: *Россия во Франции*, т. 3: *Россия в Америке*.

⁹ Р. Гуль, *Дзержинский (начало террора)*, Москва 1991.

Дзержинского, который еще в 1933 году был назван „красным палачом”, позже „отцом террора”¹⁰. Надо сказать, что в нашем исследовании анализируется книга Гуля второго исправленного издания под названием *Дзержинский: начало террора*, изданная в Москве в 1991 году. В ее первом издании были кроме очерков о Дзержинском и Менжинском, а также о Петерсе, Лацисе, Ягоде и затем Ежове¹¹.

Гуль являлся очевидцем и современником описываемых событий. Его очерки имеют свою эстетику и поэтику, которые отражают историю и различные проявления советского терроризма. Очерк Гуля характеризует Дзержинского многосторонне – его внешность, одежду, рассказ о прошлом, семейное положение, взгляды, противоречивость поступков, мыслей и чувств. Дзержинскому Гуль посвятил в своей книге 16 озаглавленных частей (главок), Менжинскому – одну. Исследователи называют жанр анализируемой книги Гуля „серией портретов” (*Литературная энциклопедия* под ред. А. Николокина, Е. Померанцева), „поллубеллетристическими биографиями советских нотаблей” (Г. Струве), „портретными характеристиками представителей советской власти” (*Литературное зарубежье России...*).

Следуя соображениям М. Бахтина, стоит отметить, что в XX веке жанр утратил свое первостепенное значение, став „вторым лицом, а главной же фигурой литературного процесса стал автор, осуществляющий свой творческий замысел”¹². Гуль, на долю которого выпали тяжелые испытания, в автобиографии в художественной форме, писал: „В моей скитальческой жизни я всегда чувствовал облегчающее душу удовлетворение, что живу именно вне России. Почему? Да потому, что родина без свободы для меня не родина, а свобода без родины, хоть и очень тяжела, но все-таки остается свободой”¹³. Гуль создавал портретные зарисовки о Дзержинском еще в 30-е годы, когда в Советском Союзе в условиях несвободы погибали люди и традиции русской культуры. В декабре 1917 года, когда Россия была в разгаре „окаянства”, Гуль начинает свое повествование с поисков Лениным российского Фукье-Тенвиля¹⁴ (деятель Великой французской революции, общественный обвинитель революционного трибунала). Выбор „лысого человечка в потрепанном пиджаке [так Гуль пишет

¹⁰ См.: L. Mleczin, *Ojcowie terroru*, t. 1: *Dzierżyński, Mienżyński, Jagoda*, Warszawa 1993.

¹¹ См. *Литературная энциклопедия...*, т. 3, с. 184.

¹² М. Бахтин, *Вопросы литературы и эстетики*, Москва 1975, с. 451.

¹³ Р. Гуль, *Конь Рыжий*, Нью-Йорк 1952, с. 261–262.

¹⁴ Р. Гуль, *Дзержинский (начало террора)...*, с. 3.

о Ленине – И.М.] был однозначным”. На заседании Совнаркома появился „высокий, похожий на скелет, одетый в солдатское платье, висевшее на нем как на вешалке” Феликс Дзержинский, названный Гулем уже с первых страниц „октябрьским Фукье-Тенвилем”¹⁵. Гулем подчеркнуто „изможденное лицо и лихорадочно блестящие глаза, заостренные черты” человека, говорящего „трудно, с неправильным русским языком с сильным польским акцентом и неверными удареньями”¹⁶. Несколькими строками дальше Гуль как бы объясняет: „родовитый дворянин, помещик, поляк”¹⁷. Слово „террор” появляется уже на первой странице очерка. Гуль раскрывает характер Дзержинского на самых разных уровнях. Автор очерка заявляет: „Есть все основания заинтересоваться его [Дзержинского – И.М.] душевным строем и биографией”. В главах „Феникс семьи”, „Шапка-невидимка” Гуль знакомит не только с семьей и предками будущего чекиста, но и с его душевным состоянием. Подчеркивая его внешнюю красоту – тонкость лица, прищуренные зеленые глаза, красиво выписанный рот, стройность, даже схожесть с портретом юного Рафаэля, Гуль характеризует его внутренний мир – необузданную вспыльчивость, впечатлительность, нервность и страстность, ртутную живость¹⁸. Уже в юношеские годы Гуль отмечает у этого „феникса семьи” фанатизм, сначала религиозный. Не „фанатик-созерцатель”, а „фанатик действия”, как определяет его Гуль, проходит путь от готовности посвятить себя карьере католического священника, который не только сам усердно молился, но и заставлял молиться своих родных, к потере веры в Бога. „Ограниченность души”, как считает Гуль, болезненность и страстность определили будущее проповедника революции.

Надо отметить, что портрет Дзержинского не локализован в одном месте его очерка, то есть экспозиционно. Его можно назвать лейтмотивным, ибо неоднократно появляются упоминания о сверкающих глазах, загорающихся стальным блеском, или о саркастической усмешке в углах рта и о резком, болезненно вибрирующем голосе „льва революции”. Гуль, вводя это известное прозвище Дзержинского, соотносит его с определением великого инквизитора Кастилии, а затем и Арагона, Торквемадо (1483 год), из-за деятельности которого были изгнаны из Испании евреи, произошла конфискация имущества осужденных инквизицией, и на

¹⁵ О Фукье-Тенвиле см.: <<http://ru.wikipedia.org>>.

¹⁶ Р. Гуль, *Дзержинский (начало террора)*..., с. 3.

¹⁷ Ibidem.

¹⁸ Ibidem, с. 4.

совести „льва религии” Торквемадо, были сотни сожженных¹⁹. Гуль вводит в свое произведение о Дзержинском сюжет, связанный с Польшей. В главе „Шапка-невидимка” он отмечает „горячо взятый католицизм” семьи Дзержинских, и культивирование в этой семье идеи национальной борьбы против, как он пишет, поработорительницы Польши – России²⁰. В качестве примеров порабощения Гуль называет воспоминания польских интеллигентских детей о деятельности Муравьева-вешателя и польских восстаниях. В связи с написанным, Гуль раскрывает и себя, констатируя: „Надо быть справедливым: действительность не отказывала полякам в материале для ненависти к русскому правительству”²¹. „Шапку-невидимку”, как пишет Гуль, хотел в юности надеть будущий палач русского народа, мечтая в юности об „уничтожении всех москалей”.

Авторская позиция выражена Гулем и в сюжете, сравнивающем мечты двух мальчиков из Ошмянского уезда – Юзефа Пилсудского и Дзержинского, которые, как сказано, „одинаковый яд пили в чувствах к России”²². Далее Гуль констатирует, что если в 1920 году „руссоненавистнику” Пилсудскому в его походе на Киев не удалось надеть „шапку-невидимку”, то в 1917 году такая шапка для Дзержинского нашлась в окружении Ленина. Гулем особо подчеркнуты сильные впечатления детства „палача революции”. В качестве примера Гуль дает сюжет, связанный с защитой Дзержинским попавших в 1920 году в ВЧК католических священников. Может, отстоял их Дзержинский потому, что, как считает Гуль, в детстве мать отговорила его стать католическим священником.

С портретами в литературе соотносятся характеристики форм поведения. Это движения, позы, жесты, мимика, слова с их произношением²³. Дзержинский в повествовании Гуля стал даже моделью для заморской леди Шеридан, которая лепила головы вождей революции. Беспощадный по отношению к себе палач, „аскет”, как его называли, дал согласие позировать и Гуль приводит отрывок воспоминаний этого сеанса, запечатленного скульптором: „Он [Дзержинский – И.М.] позировал спокойно и очень молчаливо. Его глаза выглядели [...] как омывтые слезами вечной скорби, но рот улыбался кротко и мило. Его лицо узко, с высокими скулами и впадинами. Из всех черт его нос как будто характернее всего. Он

¹⁹ См. <<http://ru.wikipedia.org/wiki>>.

²⁰ Р. Гуль, *Дзержинский (начало террора)*..., с. 5.

²¹ Ibidem.

²² Ibidem, с. 6.

²³ В. Хализев, *Теория литературы*, Москва 2002, с. 221 и др.

очень тонок и нежные бескровные ноздри отражают сверхтонченность [...] его молчание стало тягостным и я воскликнула: «У Вас ангельское терпение [...]»». Он ответил: «[...] человек учится терпению и спокойствию в тюрьме»²⁴. Приведенные воспоминания были нужны Гулю, чтобы осветить тюремное прошлое Дзержинского, который четверть своей жизни, 11 лет, провел в тюрьмах. „Душевно узкий фанатик”, „душевный кастрат”, „схоластический и изуверский”, как определяет Гуль Дзержинского, писал юношеские поэмы барабанно-революционные либо элегические, посвященные революционерке Юлии Гольдман, хотя, как выразился чекист Лацис, его „девственной дамой сердца была пролетарская революция”²⁵. Пребывание в ссылках в Нолинске, затем в селе Кайгородское, расположенном в двухстах верстах от Слободского, на берегу Камы, завершилось побегом. Чтобы поймать ссыльного, были разосланы бумаги и дана следующая портретная характеристика Дзержинского: „Рост 2 аршина и 7 вершков, телосложение правильное, наружность производит впечатление нахального человека, цвет волос на голове, на бровях и пробивающихся усах темно-каштановый, по виду волосы гладкие, причесывает их назад, глаза серого цвета, выпуклые, лицо круглое, чистое, на левой щеке две родинки, зубы чистые, рот умеренный, подбородок заостренный, голос баритон”²⁶. Этот портрет – это отрывок произведения. В нем элементы внешности строго кодифицированы – выпуклые глаза заостренность подбородка, подчеркнутая нахальность как черта мрачного и раздражительного, целеустремленного человека, по мнению Гуля.

Писатель многократно обращается не только к наружности Дзержинского, сообщая о его фигуре, чертах лица, цвете и выражении глаз. Внимания заслуживает психологический анализ этого фанатика. Как вытекает из очерка Гуля, душевный надлом Дзержинского произошел на десятом году тюремного заключения, а, вернее странствования по тюрьмам, ибо после побега с берегов Камы он лишь 4 месяца был на свободе в варшавском революционном подполье, а затем – заключение в Варшавской крепости, Седлецкой тюрьме, сибирская ссылка что выдало свои плоды в виде встречи в 1906 году с Лениным²⁷. Ленин, по словам Гуля, человек монголообразный, циничный, бесовский, спокойный, прекрасно разбирался в людях и в Дзержинском он видел целеустремленного

²⁴ Р. Гуль, *Дзержинский (начало террора)...*, с. 7.

²⁵ *Ibidem*, с. 8.

²⁶ *Ibidem*, с. 10.

²⁷ *Ibidem*, с. 13.

аскета-фанатика, заносчивого, нервного поляка, воплоителя бредовой идеи „террористическо-политического коммунизма”. В дальнейшем в биографии вершителя красного террора – заключение в варшавском павильоне, затем Сибирь, побег, Орел, Москва, Бутырки, а в них – внутренняя тюрьма по прозвищу „Сахалин”. Интерес представляет факт, что Гуль, повествуя о разных этапах жизни Дзержинского, сосредотачивается на выражении лица, на фигуре с целью создания его психологического портрета. 35-летний Дзержинский, худой, „с ввалившимися щеками и стеклянными безучастными глазами” или „страшный своей худобой арестант с почти прозрачным страдальческим лицом и реденькой кудрявой бородкой”, создает в России такое количество тюрем, какого столетиями не было в самодержавной России. Гуль на примере характера Дзержинского раскрывает психологию терроризма, сравнивая „огненного поляка с сектантски вывихнутой душой” с Робеспьером, Маратом, Сен-Жюстом, людьми, начинавшими „с приторной чувствительностью, а заканчивавшими морем крови”²⁸. Автор очерка использует в своем произведении фактографический материал – дневник Дзержинского (лирический, по определению Гуля) и приказы о казнях председателя ВЧК.

Гуль также выводит в своем очерке галерею разных сановников террора – это помощники Дзержинского и члены ВЧК, латыши Петерс и Лацис (первый метко определен как „зловонный цветок большевистского подполья”, второй – по кличке „Дядя”, или „малограмотный урод”), Александр Эйдук, который точно маньяк в сексуальном экстазе, рассказывал о „полировании крови” на Лубянке²⁹. Среди многих выделялись „уполпред ЧК” кавказец Георгий Атарбеков, на Украине – малограмотный столяр Саенко, который, по словам Гуля, „был бы прекрасным заплечным мастером времен дыб и испанских сапог”³⁰, звероподобный „комендант смерти” грузинской чека Шульман, председатель Петербургской ЧК Урицкий, палач цвета русской интеллигенции (и как пишет Гуль – „не связанный с Россией выходец из Царства Польского”) следователь ВЧК Яков Арганов и „венгерский Ленин” Бела Кун, а также прославившийся террористической расправой в Крыму в 1920 году Залкинд³¹. Гуль приводит имена и женских чекисток-сподвижниц Дзержинского. Автор очерка пытается разъяснить беспощадность террора ВЧК, ибо для его

²⁸ Ibidem, с. 15.

²⁹ Ibidem, с. 26.

³⁰ Ibidem, с. 28.

³¹ Ibidem, с. 24–29.

чиновников, последователей исторического материализма, „личность никогда не играла роли”³². В свете приводимых имен исполнителей террора и примеров их деятельности Гуль констатирует: „Созданная Дзержинским ВЧК по праву занимает первое место в истории всех терроров, ее кровавая слава переживет не одно поколение. Этой чести у „сторожевого пса октябрьской революции” не отнять”³³.

„Всероссийская Робеспьерада”, массовый террор захлестывает Россию 1918–1920 годов. Митинги рабочих, называемые чекистами „контр-революцией”, беспощадно подавляются от Астрахани до Коломны, Нижнего Новгорода, Казани, Баку и Тифлиса. Выполняя директиву Дзержинского „расправляться беспощадно”, революционная расправа проводится на Украине и Поволжье, в Сибири и в Туркестане, на севере России, на юге и в Крыму. Это Дзержинский, как вытекает из приводимых Гулем фактов, стоял во главе расправ, и „над этим российским ужасом открытого апофеоза убийства горели его лихорадочные глаза, глаза изверга и демагога”³⁴. Ответом на террор был тоже террор. Гуль пишет о тайной антикоммунистической организации, Союзе Защиты Родины и Свободы, волей случая выслеженной чекистами и разгромленной. Однако обеспокоенность Дзержинского росла по мере сопротивления страны. Заговор против „льва революции”, убийство графа Мирбаха (германского посла), затем председателя Петербургской ЧК Урицкого, покушение на Ленина Фанни Каплан – все это лишь обострило ситуацию и согласно приказам Дзержинского началась „кровавая баня”. Гуль называет эти дни террора „историческими” и дает приблизительные цифры жертв – за одну ночь в Петербурге преемник Урицкого приказал расстрелять 1300 человек. Были и случаи единичных террористических актов, в качестве примера Гуль приводит акт от 25.09.1919 в особняке графини Уваровой в Леонтьевском переулке, где заседал Московский комитет коммунистической партии, полуторапудовая бомба уничтожила всех коммунистов. Акт этот был делом Доната Черепанова, ненавидящего диктатуру коммунизм и связанного с подпольем анархистов³⁵. Больше, как пишет Гуль, до конца дней Дзержинского, таких терактов не было, но по словам писателя, „страна захлебнулась в крови и лежала без пульса”.

³² Ibidem, с. 31.

³³ Ibidem, с. 32.

³⁴ Ibidem, с. 34.

³⁵ Ibidem, с. 41.

а в ответ на террор раздавались песни: „Эх яблочко, куда котисься, в ВЧК попадешь – не воротишься”³⁶.

Последние страницы Гуля, посвященные Дзержинскому, относятся к 1921 году, когда „ужас буржуазии” – Дзержинский уходит с поста председателя ВЧК и становится народным комиссаром путей сообщения. „Коммунистический Торквемада” в этой роли, как отмечает Гуль, был не столько страшен, сколько смешон из-за своего невежества. Узнав, что в багажных отделениях бегают крысы и портят там грузы, Дзержинский решил истребить и их. Автор очерка справедливо сравнивает цитаты из приказов Дзержинского с выдержками из сатирических произведений Салтыкова-Щедрина³⁷. „Кровавая кукла октябрьского паноптикума”, честолюбивый вельможный пан, как определяет его Гуль, в феврале 1924 года после смерти разочаровавшегося в нем Ленина, при поддержке нового вождя Сталина стал председателем Высшего Совета Народного Хозяйства. И тогда Гуль находит меткие слова и определения, характеризующие не только его наружность, формы поведения и деятельности, но и дает тем самым нравственную оценку. Дзержинский наделен, по словам Гуля, честолюбием и малым умом, амбициозностью и самоуверенностью. Справедливо звучат иронические слова Гуля о личности Дзержинского, воплощающей и террор, и термидор³⁸. М. Бахтин в свое время писал: „Человек [...] болезненно дорожащий производимым им внешним впечатлением, но не уверенный в нем, самолюбивый, теряет правильную [...] установку по отношению к своему телу, становится неповоротливым, не знает, куда деть руки, ноги; это происходит потому, что [...] контекст его самосознания путается с контекстом сознания о нем другого”³⁹. Гуль, описывая Дзержинского в последние дни его жизни, отмечает его изменения во внешности, неповоротливость бывшего „аскета”, запутанные, произносимые с волнением речи, которые казались ораторскими жестами, однако на самом деле они были свидетельством бессвязности его мыслей и нелепости всей его фигуры. Прав был, несомненно, С. Мельгунов, знаток истории „красного террора”, считавший, что Гуль убедительно нарисовал „галерею политических сектантов-фанатиков, психопатов-изуверов и циников”⁴⁰.

³⁶ Ibidem, с. 42.

³⁷ Ibidem, с. 44.

³⁸ Ibidem.

³⁹ Цит. за: В. Хализев, *Теория литературы...*, с. 228.

⁴⁰ Цит. за: *Литературная энциклопедия...*, т. 3, с. 185.

Обратимся к очерку Р. Гуля *Менжинский*, краткому по своему объему произведению⁴¹. Разгул красного террора Р. Гуль, названный справедливо критикой эмиграции „летописцем русского зарубежья”, представляет и на примере Вячеслава Рудольфовича Менжинского, преемника Дзержинского. Гуль находит общее в этих, как он пишет, „клинических типах”. Поляки с дворянским происхождением, „оба были чужды России”⁴². Если в Дзержинском Гуль выделяет страстность и фанатизм, то о Менжинском он пишет: „бездельник и богемьен, был человеком без хребта”. Ссылаясь на определение Троцкого, „был даже не человеком, а только тенью неосуществившегося человека, неудачным эскизом ненаписанного портрета”⁴³. В очерке особо подчеркнуты „потаенная игра глаз” и „вкрадчивая улыбка”. Если некоторые элементы внешности кодифицированы, то другие спонтанны и могут быть вызваны болезнью или „внешней средой”⁴⁴. Менжинский с юности был больным человеком – расплывшийся, с развинченной походкой, плечи поникшие, руки болтающиеся и, наконец, отсутствующий взгляд. Гуль отмечает странность Менжинского, у которого „голубая кровь” явно загнивала от болезней. Портретная характеристика Менжинского дает возможность понять формы поведения человека, прозванного товарищами „Вяча – божья коровка”, пишущего болезненно-извращенные стихи и символистско-эротические романы о своем неудачном браке. Гуль особо подчеркивает „нездоровость” ума и души Менжинского, который не остановился в своем развитии как Дзержинский на брошюрах. „Декадентская тень человека”, как называет Гуль Менжинского, достиг „известности” (написано Гулем в кавычках). Неудачные поиски своего места в литературе или в юриспруденции завершились революционной карьерой. Неудачный брак, разрыв с отцом усугубили его душевные комплексы. В отличие от Дзержинского, Менжинский не знал ни тюрем, ни ссылок, ни лишений (богатый брат, банковский делец)⁴⁵. В Ярославле он редактировал легальную газету, в Париже занимался „всею понемногу” – изучал японский язык, взялся за кисть, пытался осилить философию, марксизм и „богостроительство, богоискательство”. „Неврастеник-декадент” мечтал выйти из ничтожества. Гуль раскрывает также суть отношений Менжинский – Ленин. Сводя счеты с вождем революции,

⁴¹ Р. Гуль, *Менжинский*, [в:] Р. Гуль, *Дзержинский...*, с. 45–51.

⁴² Ibidem, с. 46.

⁴³ Ibidem.

⁴⁴ См.: J. Faugno, *Введение в литературоведение*, Katowice 1980, с. 75.

⁴⁵ Р. Гуль, *Дзержинский (начало террора)...*, с. 47.

Менжинский сравнивал Ленина с Чичиковым⁴⁶. Гуль отмечает меткость характеристики Ленина в статье Менжинского и даже его пророческий дар. Называя Ленина „политическим шатуном” и „политическим иезуитом”, а ленинцев – „кланом партийных цыган”, Менжинский мог ожидать злопамятства, но в октябрьские дни этому „богостроителю” предоставлен был портфель министра финансов, хотя в октябрьском перевороте он участия не принимал⁴⁷. У Менжинского был опыт, будучи эмигрантом, он какое-то время служил в частном банке. Гуль, ссылаясь на коммуниста С. Пестковского, приводит его рассказ о том, как Менжинский назначил Пестковского управляющим Государственным банком. Однако надежды Совнаркома не оправдались, и портфель министра Менжинский потерял, став генеральным консулом РСФСР в Берлине⁴⁸. Но когда немцы вскрыли дипломатический ящик, пришедший на имя Менжинского, а в нем призывы к революции на немецком языке, Менжинского и других русских дипломатов из Берлина выбросили, и тогда Дзержинский предложил Менжинскому заведование Особым отделом ВЧК (ГПУ).

Гуль называет черты характера этого вершителя красного террора, раскрывая Менжинского на всех уровнях, называя его „тенью человека” (лейтмотивная характеристика). Менжинский хотя был во всем дилетантом, но в инквизиции оказался на своем месте. Отметим, что слово „инквизиция”, употребляемое Гулем, превратилось в клеймо. Испанская инквизиция за четыре столетия послала на костер 30 тысяч человек, а упоминаемый нами великий инквизитор Торквемада за 17 лет деятельности – около 10 тысяч, а около 7 тысяч было под его руководством сожжено „фигурально” – чучела, портреты и трупы сбежавших или умерших еретиков. Как сказано на одном из сайтов, реанимированная Торквемадой европейская инквизиция в целом достигла миллиона. Поэт, оратор непроизнесенных речей, художник ненаписанных полотен Менжинский на новом посту бы, по словам Гуля, „сух, холоден, бесчувствен и бесчеловечен”. Этот метко названный Гулем „чекист Санчо-Пансо”, воспринимал жизнь не этически, а „эстетически”. А эстетическая оценка, как известно, позволяет все, и с такой авторской позицией можно вполне согласиться.

Подытоживая эти документальные произведения Р. Гуля, нельзя не отметить авторскую эмоциональность в изображении людей, вводящих новые революционные порядки. Многогранный опыт писателя, горечь

⁴⁶ Ibidem, с. 46.

⁴⁷ Ibidem, с. 49.

⁴⁸ Ibidem, с. 50.

эмигрантского удела, его интерес к современной истории, а также серьезный анализ источников, документов, наконец, свидетельств очевидцев, помогли ему создать серию портретов о тех, в чьих руках террор стал оружием власти. На очерки, написанные Гулем, обратил внимание А. Солженицын. Р. Гуль также высоко оценивал Солженицына, увидев в его творчестве „исключительное явление”⁴⁹. Их взаимное внимание отразилось в ссылках на работы Гуля в „Архипелаге” и изъятии очерков о Ягоде и Ежове при переиздании трилогии. В предисловии ко второму изданию книги *Дзержинский (начало террора)* (Нью-Йорк 1974), Гуль пишет: „Сейчас, после выхода *Архипелага ГУЛАГ* А.И. Солженицына, я считаю правильным дать только два очерка – о Дзержинском и Менжинском”.

Надо понять и оправдать обличительный и эмоциональный стиль Р. Гуля, для которого Дзержинский – это не только основоположник большевистского террора, олицетворявший новую власть России, которая уничтожила ее традиции, отняла мысль и слово, высокую духовность. Гуль убедительно рисует портреты фанатиков, циников, изуверов. Он как летописец стремится к полноте и объективности на своем превосходном, ярком русском языке. И, наконец, стоит привести справедливую констатацию Б. Урбанковского, автора книги *Czerwona msza albo uśmiech Stalina*, который дает примеры сервиллистических произведений наших соотечественников о Сталине (о Дзержинском упоминает стихотворение Анджея Брауна) и завершает введение в свою книгу словами Ц. К. Норвида: „nie można pokonać narodu bez współdziałania części tegoż narodu”⁵⁰.

Streszczenie

*Władcy czerwonego terroru (Feliks Dzierżyński i Władysław Mienżyński)
w szkicach literackich emigranta Romana Gula*

Aktorka przybliżyła twórczość Romana Gula – pisarza, krytyka literackiego, historyka i memuarysty pierwszej fali emigracji rosyjskiej, w Polsce mało znanego i zbadanego. Analizuje dwa jego szkice o F. Dzierżyńskim i W. Mienżyńskim – Polakach, szlachcicach z pochodzenia. Gul, przedstawiając główne etapy życia i działalności rewolucyjnej „czerwonego kata”, „ojca terroru”, jak określano Dzierżyńskiego, skupia swoją uwagę na charakterystyce portretowej i psychologicznej tego fanatyka. Porównuje „lwa rewolucji” do wielkiego inkwizytora Torquemady oraz twórców Wielkiej Rewolucji Francuskiej Robespiera i Tinvilla. Przekonująco i trafnie charakteryzuje też W. Mienżyńskiego, który był – jak dowodzi Gul – zakompleksionym miernotą intelektualnym i duchowym.

⁴⁹ Р. Гуль, *Одвуконь*, Нью-Йорк 1973, с. 5.

⁵⁰ В. Урбановский, *Czerwona msza albo uśmiech Stalina*, Warszawa 1995, с. 18.

Summary

*Masters of red terror (Felix Dzerzhinsky and Vyacheslav Menzhinsky)
in literary drafts of emigrant Roman Gul*

In the article, works of Roman Gul – a writer, a literary critic, a historian and memoirist of the first wave of the Russian emigration are examined. His literary work in Poland is little-known and examined. As the research material there are two drafts about F. Dzerzhinsky and V. Menzhinsky, Poles, noblemen. Gul, showing main stages of the life and revolutionary activity of Dzerzhinsky (“red executioner”, “father of terror”) is focusing his attention on portrait and psychological characteristics this fanatic, author of Bolshevik terror. The author of sketches is comparing “the lion of the revolution” with the Tomás de Torquemada Inquisitor and with activists of the Great French Revolution Isidore de Robespierre and Antoine Quentin Fouquier de Tinville. Convincingly and accurately he is reconstructing the portrait of Menzhinsky. He is also creating characteristics of intellectual and spiritual mediocrity.